

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

На правах рукописи

Кадыров Шохрат Ходжакович

**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У
ТУРКМЕН**

Специальность
07.00.07 - этнография, этнология и антропология

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва, 2004

Работа выполнена в Центре цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН

Научный консультант: доктор исторических наук **Следзвский Игорь Васильевич**.

Официальные оппоненты:

Пучков Павел Иванович, доктор исторических наук академик РАН, профессор, заслуженный деятель РФ, лауреат Гос. пр. СССР.

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Восток» РАН, президент Российского центра стратегических и международных исследований.

Поляков Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ведущая организация: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Защита состоится « » _____ 2004 года в « » часов на заседании диссертационного совета Д.001.43402. по историческим наукам при Институте Африки РАН (123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института Африки РАН

Автореферат разослан « » _____ 2004 г.

Учёный секретарь

Диссертационного совета,
кандидат исторических н

В . Грибанова

© Институт Африки РАН, 2004 год.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект исследования. Объектом данного диссертационного исследования является история туркменского этнокультурного ареала, который рассматривается как целостная сложная этнополитическая система, прошедшая длительный путь социальной эволюции и обладающая рядом существенных исторических особенностей. На разных этапах своего развития и в разных геополитических контекстах эта система представляла собой определенную структурную иерархию родовых и территориально-политических единиц. Иерархия включала в себя линейные родовые объединения, территориально-родовые группировки (объединения родственников и неродственников), территориально-племенные общности разного таксономического уровня, не имеющие общего политического центра, но связанные легендами об общем происхождении, самоназванием и культурными особенностями (язык, одежда, материальная, духовная и бытовая культура).

Хронологические рамки исследования. Исследование охватывает этнополитическую историю туркмен, начиная с эпохи завершения их этногенеза (X век) и до настоящего времени. Эволюция этнополитической организации туркмен подразделяется на пять крупных исторических этапов:

1. Этап догосударственного развития племенной этнополитической системы у туркмен (X-XVI вв.).
2. Этап догосударственного развития, характеризующийся переходом от племенных к территориально-племенным образованиям (XVII-XIX вв.).
3. Этап изменений и трансформации этнополитической организации туркмен после их вхождения в состав Российской империи (1881-1917 гг.).
4. Период строительства в Туркменистане государственности советского типа на базе политики качественного изменения состава местных элит, утверждения новых форм балансирования их интересов в структуре центральной республиканской власти (1917-1991 гг.).
5. Постсоветский период строительства в Туркменистане этнократической государственности на базе гегемонизма столичного племенного землячества (1991-2001 гг.).

Актуальность темы диссертации. После роспуска СССР значительно повысилась роль этнического фактора в бывших среднеазиатских республиках СССР. Это вызвано утверждением в регионе этнополитических структур власти и этнократических режимов. Эти режимы используют авторитарные методы управления, стремясь, с одной стороны, избежать распада своих стран по этническому признаку, а с другой - обеспечить доминирующее положение в новых государствах титульных этносов. Это создает сложные условия жизни для этнических меньшинств и прежде всего

русского и русскоязычного населения, обуславливая его отток в Россию и другие страны. Так, численность русского населения в Туркменистане за годы независимости и второй по численности после русских этнической группы - узбеков - сократились в три раза.

Без учета и всестороннего анализа роли этнического фактора невозможно понять особенности становления и эволюции племенного строя у туркмен, исторических процессов политогенеза, природу современной туркменской государственности и перспективы общественного развития Туркменистана. Присоединение туркменских племен к Российской империи и, в особенности, включение Туркменистана в состав Союза ССР ускорили модернизацию туркменского общества и заложили основы современной туркменской государственности. Однако этническая неоднородность туркмен (по племенному и земляческому признакам) продолжает определять внутреннюю среду модернизационных процессов в местном обществе, влияет на структуру политической элиты и баланс этнорегиональных интересов внутри страны. Главной чертой современной политической ситуации в Туркменистане является концентрация власти в руках президентского племенного землячества. Как справедливо отмечает А.М. Васильев, «политические элиты в постсоветской Центральной Азии «несут родовые черты советской номенклатуры, но их корни (...) были и есть в местных кланах»².

Предмет исследования. Предметом исследования являются становление и эволюция структуры этнополитических образований: племенных землячеств, племенных союзов, племенных конфедераций в контексте этнической истории туркмен. В обобщенном виде речь идет о формировании этносоциального организма макроэтнического уровня (сложного этнического общества), в котором на основе генеалогической идеологии формируется целостная политическая культура гибкого взаимодействия между племенными общностями разных уровней.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в выявлении особенностей этнополитической организации туркмен в исторической динамике, с учетом геополитических и геокультурных факторов социально-политической эволюции туркменского общества. В соответствии с этой целью определены основные задачи диссертации:

1. Проанализировать ранние этапы политогенеза у туркмен, его факторы, этнокультурный и исторический контексты.

¹ Хуррамов Ш. Узбекистан Ухудшение межгосударственных отношений с Туркменистаном // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 47, январь-февраль, 2003. Фонограмма выступления С. Ниязова на августовском (2003 г.) заседании Народного совета // 14 августа 2003. ТВ – «Алтын Асыр»

² Васильев А.М. Россия и Центральная Азия // Постсоветская Центральная Азия: потери и обретения. Отв. ред. А.М. Васильев. М., 1998. С. 7

2. Исследовать условия и характер этнополитической трансформации туркменского общества в составе Российской империи.
3. Выявить основные факторы, формы и результаты трансформации этнополитической организации туркмен в советское время.
4. Раскрыть причины и формы возрождения племенного гегемонизма в этнополитической практике и в этнополитической культуре постсоветского Туркменистана.

Степень научной разработанности темы. Прошлое туркмен вообще и с позиций этнологии в особенности изучено пока весьма отрывочно и зачастую под влиянием политической конъюнктуры. За исключением отдельных научных статей и сообщений, посвященных частным вопросам организации политического управления у туркмен в досоветский период³, в российской и мировой историографии нет исследований, посвященных этнополитическому аспекту развития Туркменистана. Центральная для понимания политогенеза туркмен тема. - племенной (земляческий) гегемонизм — находилась под запретом в советском Туркменистане.

До сих пор исследования туркменских этнологов описывали внутриплеменные различия туркмен, но не выходили за пределы вопросов, актуальных для политической практики. Почти все этнографические исследования в Туркменистане, несмотря на факт их роста, были обращены к дореволюционному прошлому. Работы правоведов констатировали процесс формальной эволюции административно-территориального устройства Туркменской ССР, но не вдавались в причины и следствия реформ. В разработках социологов был сделан важный шаг в сторону признания сохранения внутриплеменных противоречий, но, вместе с тем, ни одна из этих работ не касалась проблемы племенного гегемонизма. Все авторы признавали, что племенные различия сохранялись, но на исключительно низовом, бытовом уровне. Категорически запрещалось говорить о том, что такие различия играют важную роль в политике, в формировании высшего руководства республики.

Вместе с тем, с конца 1980-х гг. в туркменской исторической науке возникают симптомы дифференциации в подходах и трактовке некоторых явлений прошлого. По мнению Л. Джикиева, туркмены-теке в XIX веке представляли собой не уруг (род, племя), а иль, халк, т.е. локальную территориально-племенную общность (племенное землячество) - «самостоятельный народ»⁴. Эта научная гипотеза трансформировалась в тезис о разрушении русскими во второй половине XIX века якобы существовавшей

3 Росляков А. А. К вопросу о государственной организации у туркмен в средние века // Известия Туркменского филиала АН СССР. 1951, № 1

4 Джикиев А. Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху средневековья. Ашхабад, 1991. С. 507, 511, 512

туркменской государственности и ныне является важной составной частью официальной идеологии правящего в постсоветском Туркменистане режима.⁵

В постсоветское время наблюдается рост зарубежных исследований роли и места этнического фактора в политическом развитии государств Центральной Азии⁶. Это исследования Н. Масанова, А. Асылбекова и др.⁷. Особенно следует отметить работу американской исследовательницы А. Эдгар, которой впервые в зарубежной историографии поставлен вопрос о политическом доминировании туркмен-ахалтеке в первые годы советского строительства в ТССР⁸. В целом же потестарно-политическая этнография и политическая антропология центрально-азиатского региона находится в начале своего пути.

Источниковая база исследования. Источниковая база исследования сформирована на основе работы автора в библиотеках и архивах Туркменистана (1977-1993 гг.), в архивах ЦК КПСС в Москве (1993-1996, 2002-2004 гг.), в библиотеках Западной Европы и США (1996-2003 гг.), а также в ходе полевых этносоциологических исследований:

1. Архивные документы Центрального государственного архива Туркменистана, Центрального государственного архива политической документации Туркменистана, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории.

2. Официальные материалы, прежде всего выступления Президента Туркменистана С.А. Ниязова.

3. Материалы средств массовой информации (официально выходящие в Туркменистане газеты, журналы и туркменский оппозиционный самиздат). В этой группе материалов следует особо выделить публикации «Туркменской искры» за 20-30-е гг. и 90-е гг. XX века («Нейтральный

⁵ Нейтральный Туркменистан, 22 ноября 2002 г

⁶ Cummings, Sally Nikoline *The political elite in Kazakhstan since independence: Origin, structure and policies* London School of Economics, 1998 (Ph D), Collins, Kathleen Ann *Clans, parts, and politics: Understanding regime transition in post-soviet Central Asia* Stanford University, USA, 1999 (Ph D), Schatz Edwar A D *Tribes and clans in modern power: The state-led production of subethnic politics in Kazakhstan* USA, University of Wisconsin Madison, 2000 (Ph D) Bohr A *Independent Turkmenistan: From post-communism to sultanism // Oil, Transition and Security in Central Asia* Ed By Sally N Cummings RoutledgeCurzon Taylor and Francis Group London and New York, 2003 P 9-24, 25, Paul Georg Geiss *Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal commitment and political order in change* RoutledgeCurzon, Taylor and Francis Group London and New York, 2003

⁷ Масанов Н *Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриаэтническое соперничество // Вестник Евразии, № 1 (2), М 1996, Асылбеков А. О социальной, политической и этнической структуре Казахстана // Известия АН Казахской ССР, соц. 1991 г № 3, Панарин С А *Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии 2000 г № 1 С 90-132, Смагамбетова Б.Д. Родоплеменной фактор в системе «руководитель-подчиненный» // Социологические исследования 1998 № 3 С 20-23, Гоголданова ЗЭ-Г, Гузенкова Т С *Субэтнические группы: представления и реальности: Калмыки на перепутье 1980-х Проблемы этнокультурного развития // Отв ред Т С Гузенкова М., 1993 С 160-184***

⁸ См Edgar A L *The Creation of Soviet Turkmenistan, (1924-1938) A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History in the Graduate Division of the University of California, Berkeley, 1999*

Туркменистан»), интернет-сайтов (официальные и оппозиционные, туркменские и российские): интернет-журнала «Туркменистан» (www.turkmenistan.ru), органа печати Объединенной Демократической оппозиции Туркменистана «Свободный Туркменистан» (www.erkin.net, редактор Л. Кулиев); органа печати Временного Народно-демократического Движения Туркменистана «Гундогар» (www.gundogar.com, редактор Б.Шихмурадов), орган печати «Республиканской партии (в изгнании)» Ханамова - Ыклымова (www.dogryel.com); орган печати Оппозиционного Движения «Возрождение» (www.vatan.com).

4. Экспертно-пилотажные этносоциологические исследования, проведенные автором:

4.1. Среди русского населения г. Ашхабада по проблеме их отношения к выезду из Туркменистана, Анкета для этого опроса (на основе стандартизированного интервьюирования) разработана автором при содействии Всероссийского Центра изучения общественного мнения (консультант - Л. Гудков) и Министерства по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации (88 респондентов)⁹.

4.2. Изучение современной туркменской семьи на базе анкетного интервьюирования 130 женщин-туркменок - экспертов в вопросах традиционного репродуктивного поведения женщин, проживавших в сельских поселениях (поселок «Геокча» и колхоз «Совет Туркменистаны») урбанизированного типа¹⁰.

4.3. Экспертное этносоциологическое обследование, проведенное автором на промышленных предприятиях Ашхабада в 1981 г. (опрошено около 200 женщин-туркменок)¹¹. В разработке анкеты и программы обследования участвовали зав. Сектором ИСИ СССР, д. ф. н. А.И. Антонов, старший научный сотрудник сектора конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР И.А. Гришаев, старшие научные сотрудники Центра по изучению проблем народонаселения МГУ им. Ломоносова В.М. Медков, Н.В. Зверева¹².

5. В работе использованы материалы личного архива автора - фрагменты дневниковых и аудиозаписей бесед с экспертами по вопросам этнополитического развития Туркменистана в советское и постсоветское время: первым министром иностранных дел независимого Туркменистана

⁹ Результаты работы изложены в отчете, изданном на правах рукописи Кадыров Ш Туркменистан 4 года без СССР М, Панорама. 1996 г

¹⁰ Кадыров Ш Народонаселение Туркменистана: история и современность Вопросы и результаты изучения Ашхабад, Ылым, 1986

¹¹ Кадыров Ш, Кубасова Е О занятости женщин-туркменок в промышленности // Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1982, № 5 С 49—55

¹² Кадыров Ш Х, Медков В М Семья, репродуктивное поведение, демографическая политика // Мы и наши планы М Наука, 1987

А.О. Кулиевым¹³, бывшим заместителем министра сельского хозяйства Туркменистана С.Б. Ыклымовым, бывшим сотрудником Пресс-службы Президента Туркменистана Ё.А. Лннакурбаном, корреспондентом туркменской студии радио «Свобода» М. Сахатовым, поэтом Ш. Нурмурадовым, бывшим вице-премьером правительства С. Ниязова Н.Т. Союновым, бывшим вторым секретарем ЦК Компартии Туркменистана В.Н. Рыковым, редактором журнала «Центральная Азия и Кавказ» политологом Х. Эсеновым, активистом А.-Д. Велсапаром, журналистом Х. Юсупом, этнографом М. Бердыевым, журналистом А. Гоша, бывшим депутатом Верховного Совета ТССР — Туркменистана Х. Союновым.

Теоретико-методологическое основание исследования. Теоретико-методологическая основа исследования сформирована на основе концепции этноса как целостного этносоциального организма, неразрывно связанного с социально-экономическими факторами¹⁴, а также исходя из концепции сложной, нелинейной природы социокультурной эволюции и политогенеза. Среди последних первостепенное значение имеют концепции племени как особой формы социально-политической организации сложных непервобытных обществ¹⁵, вторичных государств, складывающихся под внешним, влиянием, первичных центров цивилизации¹⁶ и синполитейных обществ (синхронных государственным и эволюционирующим под их влиянием¹⁷), многолинейной эволюции сложных обществ и альтернативных государству форм политогенеза (Д.М. Бондаренко¹⁸, А.В. Коротаяев, Н.Н. Крадин¹⁹). В контексте задач диссертации большой интерес представляют исследования в рамках, так называемой потестарно-политической этнографии²⁰ и концепции традиционного субстрата в политических

13 Хазарский С. Оппозиция Ниязову есть, но она живет в Москве (беседа с А. Кулиевым) // Утро России, 2-8 декабря 1993. С 10; Кадыров Ш. Сто дней будущего правления Авады Кулиева (беседа с А. Кулиевым). // Утро России, № 25, 23-30 июня 1994 С 10

14 Бромлей Ю.В. Этнос и этнография М., «Наука», 1973, он же Очерки по теории этноса. М., 1983.

15 Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин. формирование и эволюция системы социально-политических институтов Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора истор. наук. М., 2000; Альтернативные пути к цивилизации М., 2000, Племя и государство в Африке. М., Институт Африки, 1991; Коротаяев А.В. Апология триабиализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // Социологический журнал, 1995, № 4, Коротаяев А.В. От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет // Этнографическое обозрение, 1996, № 2; его же. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации М., 1997; Коротаяев А.В. Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции РАН, Институт востоковедения М.: Восточная литература, 2003 – 276 с.

16 Fried M. The Evolution of Total Society: An Essay in Political Anthropology, N Y 1967.

17 Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий Отв ред А.И. Першица, А.М. Хазанова М., 1978.

18 Бондаренко Д.М., Коротаяев А.В. (ред.) Цивилизационные модели политогенеза М., Институт Африки РАН, 2003.

19 Крадин Н.Н. Политическая антропология М., 2001. С. 149

20 Куббель Л. Е. Традиционная политическая культура и колониальное общество // Народы Азии и Африки. 1981, № 6, его же Идеология и ритуал в становлении верховной власти на грани перехода к раннеклассовому обществу (на нем. яз) //

системах колониального и постколониального африканских обществ (В.В. Бочаров²¹, Н.М. Гиренко²², Н.Б. Кочаковой²³, В.А. Попов²⁴, И.В. Следзевский²⁵, В.Э. Ханин²⁶). Учтены также концепции генезиса древних цивилизаций на Востоке С.П. Толстова²⁷ и В.М. Массона²⁸.

В диссертации важное место занимает концепция синполитейного общества, которая в отечественной социальной антропологии истолковывается как изучение «первобытных обществ под воздействием уже сложившихся цивилизаций»²⁹. По нашему мнению, концептуальный принцип изучения синполитейности применим не только к первобытнообщинному, но и к любому догосударственному обществу, которое в силу исторических обстоятельств оказалось под доминирующим влиянием развитого государства или цивилизации. При этом важно иметь в виду, что внешнее воздействие способно быть результативным только в том случае, если оно учитывает внутренние механизмы политического развития племенного общества и собственную логику его исторических трансформации.

В диссертации сделана попытка ввести в научный оборот понятие «этническое общество» (ЭО), что позволяет абстрагиваться от многозначного понимания термина «племя» как собственно родовой (линиджной) организации, целиком основанной на реальных родственных отношениях, и как организации так называемого «вторичного» или «позднего племени», в котором родственные связи, нередко придуманные, вуалируют, «облагораживают» очевидные социальные противоречия. На наш взгляд, понятие ЭО позволяет сконцентрировать внимание на главной

Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift Lpz., B 2 1982, № 1, его же Традиционная политическая культура в постколониальном обществе (на примере стран Африки) // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки М., 1984, Куббель Л. К. Очерки постстаро-политической этнографии М., 1988

21 Бочаров В.В. Власть Традиции Управление. Попытки этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки М., Наука Главная редакция восточной литературы, 1992

22 Гиренко Н.М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики Л., 1991

23 Кочакова Н.Б. Традиционное представление о происхождении и природе государства, власти правителя и социального порядке в странах тропической Африки // Африка: культура и общество (исторический аспект) М., 1965

24 Попов В.А. Этносоциальная история африки в XVI-XIX веках. Проблемы генезиса и стадиально-формационного развития этнополитических организмов М., 1990

25 Следзевский И.В. Марксистская теория общественных формаций и историческое развитие африканских обществ (проблема общего – особенного – единичного) // V Всесоюзная конференция африканистов М., 1989 Вып. 2, Следзевский И.В. Становление национального государства (социально-политический аспект) // Современная Африка. Итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур М., 1990

26 Ханин В. Э. Неформальные структуры власти институт политических партий в африканских условиях // Современная Африка С. 64 История Нигерии в новое и новейшее время. Ред. Ю.Н. Зотова, И.В. Следзевский М., 1981

27 Толстов С.П. По следам древнекорейской цивилизации М.–Л., 1948

28 Массон В.М. Первые цивилизации Л., Наука, 1989

29 Крадин Н.Н. Политическая антропология С. 212

характеристике, которая объединяет разные формы племенного типа этнополитической организации, а именно, на этнических отношениях, как особой форме социальных и политических отношений. В этой связи представляется важным показать различия между такими внешне сходными понятиями, как «этническая общность» и «этническое общество». Под первым понимается совокупность людей, обладающая специфическим культурным сходством с непременно присущей данному типу общности экстравертной антитезой «мы — они». В «этническом обществе», напротив, мы находим не только комплексы характеристик, сближающие сегменты этноса, но и признаки противопоставляющие их друг другу (антропологически, территориально, идеологически и т.п.). Антитеза «мы-они» в ЭО интравертна, она направлена внутрь этноса. Поэтому для членов ЭО характерно в большей или меньшей степени дуальное самосознание (племенное и общэтническое), а генеалогические отношения или легенды являются идеологической базой для доминирования одних племен над другими.

Общности территориально-племенного типа имеют исторические, социокультурные, языковые предпосылки для формирования государственности. Эта способность к этнополитической консолидации особенно ярко проявляется в периоды внешней опасности. Вместе с тем, общности такого типа имманентно свойственна тенденция к сепаратизму, делению на племенные группировки и союзы, борющиеся за лидерство над соплеменниками. Возникновение в таких обществах государства на собственной основе, без цивилизационного влияния извне (особенно в форме политического доминирования), вне сотрудничества местных элит с иноземцами, нейтрализующего племенной гегемонизм, возможно лишь в виде автохтонного режима военно-полицейского типа и насаждения этнического национализма, прикрывающего реальные отношения племенной гегемонии.

Другим ключевым для данной работы понятием является понятие политогенез - один из базовых терминов политантропологии и постарнополитической этнографии. Целям и задачам данного исследования больше соответствует эмпирическое, конкретно-историческое значение этого понятия - становление и эволюция сложной (надлокальной, в нашем случае - позднеплеменной и надплеменной) политической организации. Политогенез у туркмен представлен в диссертации в виде двух типов отношений: горизонтального и вертикального. Их взаимодействие образует, как мы полагаем, основной вектор этнополитического развития страны. Развитие горизонтального типа отношений выражается в постоянной сегментации семейных кланов, образовании новых родовых (линиджных) групп, обладающих отдельной самостоятельной структурой управления и определенной хозяйственной самостоятельностью. Этот тип отношений выражается также в создании союзов родов и племен. Вертикальный тип

отношений политогенеза выражается в стремлении, прежде всего численно доминирующих родовых групп внутри этнического общества к политической надлокальной гегемонии.

К политогенезу у туркмен (в прошлом преимущественно скотоводов-кочевников и полукочевников) вполне применимы оценки Н.Н. Крадина, относящиеся к обществам кочевников, в которых сложная иерархическая организация власти в форме «кочевых империй» и подобных им политических образований развивались только в тех регионах, «где они были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами...»³⁰. В этом контексте особо важны концептуальные вопросы места и роли России в трансформации традиционных этнополитических структур после присоединения туркменских племен к Российской империи и, особенно, в условиях строительства советской государственности, и проблемы усиления роли этнополитического (племенного) фактора в Туркменистане постсоветского времени.

Концептуальная разработка проблемы племенного гегемонизма, традиционных структур власти и их трансформации на туркменском материале невозможна без использования накопленного опыта исследований российских и, подготовленных под их руководством, туркменских ученых: а) антропологов: А.И. Ярхо, М.Г. Левина, Л. Ошанина, В.В. Гинсбург и Т.А. Трофимовой, Н.А. Дубовой; б) этнологов: Г.И. Карпова, Ю.Э. Брегея, Г.Е. Маркова, К.П. Калиновской, С.П. Полякова³¹, Я.Р. Винникова³², Т.А. Жданко, Г.П. Васильевой³³, А.О. Оразова, А.Д. Джикиева³⁴, К.Н. Нурмухамедова, Ч. Язлыева, О. А. Амантыева и др; в) историков: Н.И. Веселовского, В.В. Бартольда³⁵, Н.А. Кононова, А.Ю. Якубовского и А. Каррыева, С.П. Толстова, М.Н. Тихомирова, Ю. А.И. Акатовой, А.А. Рослякова³⁶, С.П. Агаджанова, М.А. Аннанепесова³⁷, А. Х.Ю. Юсупова, а также зарубежных специалистов³⁸.

30 Крадин Н.Н. Политическая . С. 149

31 Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М. МГУ, 1980 г

32 Винников Я.Р. Этническая карта Туркменской ССР // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР Т 7, 1963, С. 6-9

33 Васильева Г.П. Родовой состав туркмен-бомулов к этнической истории туркмен // Расы и народы-Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник М. РАН, 2001 № 27

34 Джикиев А. Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху средневековья. Ашхабад, 1991

35 Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа // Туркменна С6 Т. 1. Т. 1929

36 См. например Росляков А. А. К вопросу о государственной организации у туркмен в средние века // Известия Туркменского филиала АН СССР, 1951, № 1

37 Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII-XIX вв. Ашхабад 1981

38 Ruykin, M. Post-USSR political developments in former Soviet Central Asia // Nationalities papers, 20 (2), 1992 P. 97-106.

D'Encausse H. C. The great challenge: Nationalities and the Bolshevik state, 1917-1930 New York/London, Holmes and Meier, 1992.

Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review 53, № 2,

Методы исследования. В работе использованы традиционные и нетрадиционные методы этнографического и политантропологического исследования. К традиционным методам относятся:

- извлечение информации из письменных литературных, а также архивных источников в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, фондах Центрального государственного архива Туркменистана и Центрального государственного архива политической документации Туркменистана;

- включенное наблюдение: беседы и интервью с непосредственными очевидцами и участниками общественно-политических событий в советском и постсоветском Туркменистане;

- экспертно-пилотажные этносоциологические опросы русского населения г. Ашхабада³⁹;

- наблюдения автора в рамках этнографической экспедиции в Марыйской области ТССР⁴⁰; анкетирование туркменского населения (город и село) по вопросам их отношения к модели многодетной семьи.

Нетрадиционные методы исследования включают в себя:

- определение доминировавшего в средневековую эпоху у туркмен хозяйственно-культурного типа по разработанной вместе с этнографом М. Дурдыевым методике гипотетического максимума скотоводческого населения в Туркменистане (ГМС);

- сопоставления типичных речевых стереотипов и элементов национально-племенной геральдики для анализа эволюции племенного этнополитического самосознания у туркмен;

- этнодемографическое индексирование уровней этнической и синиолитерной гегемонии в советское и постсоветское время.

Научная новизна и практическая значимость работы. В диссертации впервые делается попытка показать на историко-этнографическом материале единство эволюции племенной политической организации в этнической истории туркмен, противоречивое взаимодействие процессов этнической и политической дезинтеграции и консолидации. Предлагаемая в данном исследовании концепция этнополитической эволюции туркменского общества охватывает широкий комплекс вопросов, разработка которых

Summer, 1994, Terry M. An Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938. Ph.D. dissertation, University of Chicago, 1996, Caroe O. K. Soviet Empire, the Turks of Central Asia and Stalinism. London, Macmillan and Co Ltd. 1953, Sabol S. The creation of Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian survey, 14 (2), 1995. P. 225–241

39 Экспертно-пилотажное обследование русского населения г. Ашхабада. Проведен под руководством автора летом 1994 г. Опрошено 88 респондентов, экспресс-опрос, проведенный автором осенью 1991 г. среди студентов Ашхабада (150 респондентов) по проблемам демократизации, и опрос (254 респондентов), проведенный автором среди государственных служащих весной 1993 г. в Ашхабаде

40 Экспедиция в Марыйскую область, колхоз «Захмет» под рук. старшего научного сотрудника Института этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухи-Маклая АН СССР д.и.н. Я.Р. Винникова в 1978 г.

позволяет увидеть исторические этапы и современные тенденции политогенеза у туркмен и с этой точки зрения – этнические особенности современной государственности и ее перспективы в Туркменистане. Практическое значение работы определяется тем, что поиск путей демократизации и модернизации независимого Туркменистана, баланса интересов центра и регионов, должен учитывать этнические традиции политической культуры туркмен, степень консолидации туркменского этноса, структуры и тенденции развития племенных землячеств. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов лекций для студентов вузов по этнографии, этнополитологии, истории Центральной Азии, при разработке программ сотрудничества России с Туркменистаном и другими государствами этого региона, в работе дипломатических служб России в Центральной Азии и т.д.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите в Центре региональных и цивилизационных исследований Института Африки РАН 25 мая 2004 г.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 16 публикациях общим объемом 61,9 п.л., в том числе в 4 индивидуальных монографиях. Часть работы по теме диссертации опубликована за рубежом. Концептуальные положения диссертации нашли отражение в докладах автора на следующих конференциях и симпозиумах: 18-19 июня 2004 г. на Международном симпозиуме «Workshop on Turkmenistan» в Оксфордском университете (Англия); 27-28 сентября 2003 г. на Международной конференции по политическим проблемам современного Туркменистана в Праге; 3-5 ноября 2002 г. в Подмоскowie, на Международной конференции, организованной фондом Сороса, Лигой защиты прав человека в СНГ, обществом Мемориал по актуальным проблемам политического развития в Туркменистане и соседних с ним регионах; 7-8 декабря 2001 г. на Международном симпозиуме «Central Asia and the Caspian basin: A Decade Post-Independence», организованном Британской академией наук, Гарвардским университетом (США), Международным отделом Кабинета министров Великобритании и Центром «Восток-Запад» Эдинбургского университета (Шотландия); 10 декабря 2000 г. в Болдуин колледж (штат Мэн, США); 13 декабря 2000 г. в Центре Русских исследований Стетсоновского университета (штат Флорида, США); в Осло (Норвегия), на конференции, посвященной проблемам Туркменистана и Таджикистана и организованной Центром русских исследований Министерства иностранных дел Норвегии (октябрь 1996); в сентябре 1992 г. на конференции «Россия и Восток», организованной Институтом востоковедения РАН и др.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и использованной литературы, приложений и словаря «Кто есть Кто».

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается выбор темы, показана ее научная актуальность, представлены основные концептуальные положения и методы, цели и задачи исследования, источниковая и историографическая база диссертации, определена степень изученности проблемы, ее научное и практическое значение.

Первая глава «Ранние этапы становления и эволюции этнополитической организации у туркмен» посвящена выявлению исторических, хозяйственно-культурных, внутри- и внешнеполитических факторов племенного строя у туркмен в средневековую эпоху (до вхождения в состав Российской империи), а также особенностей эволюции племенной организации.

В первом разделе «Факторы становления племенной организации. Происхождение этнонима «туркмен» рассматривается этнополитическая консолидация части огузских племен. Показано, что распространенность этнонима «туркмен» определялась, с одной стороны, его актуальностью с точки зрения противостояния тюрков иной культурной среде, с другой - признанием достижения тюркским элементом этнополитической гегемонии в Центральной Азии. Новое имя (тюрк мен - «я тюрк») помогло этническому взаимодействию, демонстрируя общность культуры кочевников всего Туркестана. Этноним «туркмен» рассматривается как символ межплеменной политической консолидации, важнейший элемент завоевательной риторики огузов, их демонстративного противопоставления себя персидской и греческой цивилизациям, чуждым их степной ментальности.

Выиграв военный этап цивилизационного противостояния земледельцам, туркмены-огузы проиграли этап культурного соревнования. Одна их часть (кизилбаши) сохранила высокие политические позиции благодаря ассимиляции с элитами покоренной Византии, Среднего и Ближнего Востока, другая - основная - была дезинтегрирована по племенному признаку. Племена, как непервобытная форма социально-политической организации, возникали вследствие внешнего «структурирующего» влияния развитых государственных систем на безгосударственные, такая форма племенной социальной организации имеет исключительно вторичный характер⁴¹. В XVI в. из 24 названий племен огузов у туркмен сохранились только 16 и только пять из них - салор, баят, чаудор, имрели, игдыр - выступали как названия самостоятельных племен, остальные были названиями племенных подразделений. Древние родоплеменные группы были поглощены новыми племенами: теке, йомуд, сарык, эрсари и др.

41 Fried M. *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House, 1967.

Второй раздел посвящен смене типов хозяйства как фактору эволюции племенной организации. Сохранение родоплеменной структуры почти до наших дней было присуще народам, в жизни которых важную или основную роль играло скотоводство. Длительное время в науке не было ясности относительно преобладания в хозяйстве туркмен скотоводства. Недостаточная изученность вопроса позволяла историкам рассматривать полуоседлое население Средней Азии и Казахстана только как «оседающих кочевников»⁴².

У большей части туркмен кочевничество, наряду с примитивным земледелием, было основным занятием до XVII-XVIII вв. Это подтверждается разработанной нами формулой гипотетического максимума кочевого скотоводческого населения (ГМС), Туркменистана. В XVI-XIX вв. туркменские племена с преимущественным развитием кочевого скотоводства, обитавшие в Прикаспии и Прибалханье, вступили в затяжной конфликт за орошаемые земли и пастбища с другой этнорегиональной группировкой туркменских племен земледельческой зоны Прикопетдага. Так, туркмены-теке до переселения в Ахал в XVIII в. были исключительно кочевыми скотоводами. С начала XVIII в. теке, согласно действовавшему в ту пору праву «сильному все дозволено» (*гун гуйчлгшики*), вытеснили из Южного Туркменистана и частично ассимилировали малочисленные туркменские племена. Захватив Ахал и Атек, теке подчинили себе безземельных крестьян (дайхаи), в том числе так называемых «сайры» и «кесеки». Кесеки и сайры считались переселенцами, потомками рабов (гул) и пленниц (гырнак, чоры). Карадашлинские, нохурские и прочие группы не текинского населения вынуждены были заниматься арендой водных источников и участков земли у туркмен-теке⁴³.

В третьем разделе изучены формы племенной организации и их эволюция. Этнополитическая организация туркмен к началу XX века проделала значительный путь эволюционного развития. Результаты этого развития наиболее полно проявились в усложнении структуры туркменского общества, прежде всего за счет дифференциации форм племенного устройства. В типологическом аспекте эти формы можно свести к двум стадияльно различным типам этнополитической племенной организации. Первый тип - более архаический - тяготел к иерархической модели родоплеменного устройства и лежавшей в его основе большесемейной общине; второй - неиерархический - складывался скорее под влиянием внешних факторов и имел в своей основе территориальный тип социальной организации, территориальную общину, большую неразделенную и малые семьи. Оба типа существовали параллельно и в сложном сочетании друг с

42 Жданко Т.А. Патриархально-феодалные отношения у полуоседлого населения Средней Азии // I Всесоюзная конференция востоковедов (Тезисы докладов и сообщений) Ташкентъ 1957. С 208-210

43 ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3589. Л. 43—44, Ф. 127. Оп. 5а. Д. 2. Палка № 5. Л. 54. Аренда водных источников в Закаспии

другом. В процессе оседания на землю и прикрепления к определенным областям и оазисам, союзы крупных племен, характерные для эпохи кочевничества до XVII века, исчезали, а сами племена территориально дробились на новые племенные группы.

Политическое руководство племенем и союзами племен осуществлялось Советами (маслахатами - туркм. «совет», «совещание»), в которые входили старейшины, военные вожди (сердары), ханы (руководители родовых группировок). Маслахаты (генгешы) различались по уровням управленческо-властной компетенции: аульный, родовой, племенной, межплеменной. Созывов всетуркменских маслахатов не отмечено. На маслахатах решались вопросы переселений, водо-земельные споры, строительства оборонительных сооружений, ирригационных систем и др. Маслахат выполнял функции третейского суда в решении брачных, уголовных, имущественных дел, руководствуясь при этом нормами адата.

Четвертый раздел посвящен традициям и стереотипам этносоциальной стратификации в племенном обществе. На стадии развития племени как политической организации (союзы племен), когда в состав племени входят инородные группы, возникает деление племен на «своих» и чужих». Как бы не был ассимилирован чужак в языковом и прочем культурно-бытовом плане, он всегда выделялся по физическим признакам. Племенная эндогамия, предпочтительность родственных браков, запреты по адату браков между «чистокровными» - «иг» и туркменами арабского происхождения *кул*, а также браки малолетних (адаглы, адаглама) и раннее заключение брака путем сговора родителей - характерные черты жизни туркменского общества в прошлом, даже в XX веке⁴⁴. И до настоящего времени, в виде пережитка, помимо межплеменной стратификации по генеалогическому признаку «древности» происхождения, существует деление туркмен по признаку «чистоты крови». Опасения этнического смешения стала причиной длительного сохранения у туркмен, особенно у теке⁴⁵, обычая вытягивания головы новорожденным для придания черепу вытянутой (долихоцефальной) формы. Обычай вытягивания головы, в отличие от других туркменских обычаев, не нес никакой функционально-полезной нагрузки, кроме этностратификационной.

В главе второй «Этнополитическое состояние и трансформация туркменского общества накануне и после вхождения в состав России» анализируются основные черты колониального управления туркменским этнополитическим ареалом в составе Российской империи, административное закрепление деления

44 Васильева Г П Туркмены (Вопросы этногенеза ж этнокультурные традиции) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада М, 1990 С 44

45 Дурдыев М Б Туркмены (Поиски предков туркменского народа и его исторической прародины) Ашхабад, Харп, 1991 С 31

туркмен на территориально-племенные группы и создание предпосылок для модернизации этнополитической структуры туркмен.

В первом разделе рассматриваются межплеменные отношения и характер присоединения туркмен к России. Неудачи в Крымской войне (1853-1856 гг.) подтолкнули Россию к завоеванию Туркестана. В 1863-1874 гг. были покорены Ташкент (1865 г.), Бухара, Самарканд (1868 г.), Хива (1873 г.), Коканд (1873-1876 гг.).

Туркмены своего государства не имели, номинально являясь подданными соседних государств. Они представляли собой суверенные, порой недружественные друг другу территориально-племенные группировки, которые самостоятельно решали вопросы войны и мира. Россия вступала в союзы с лидерами одних племен для того, чтобы результативнее провести покорение других.

Защищенные от внешних врагов Копетдагом с юга и Каракумской пустыней с севера, туркмены-теке были уверены в том, что смогут отразить русскую агрессию. Подготовка и ход завоевания Россией Южного Туркменистана достаточно подробно описаны и проанализированы в многочисленных исследованиях советских историков. Захват Туркменистана и демографические потери, понесенные туркменскими племенами, нейтрализовали претензии на гегемонию как йомудов, так и текинцев. Отношения между этими самыми крупными племенными группировками остались напряженными. Более того, геоктепинская война усилила раскол внутри теке.

С 1881 г. началась новая история туркмен. Были прекращены работорговля, войны и межплеменные споры, получило развитие ирригационное строительство, существенно выросла площадь орошаемых земель, были заложены основы транспортной инфраструктуры, связывавшей Центральную Азию с Европой. Россия признала неоспоримым право проживания туркмен в оазисах Прикаракумья, их доминирование на большей части Туркменистана без риска быть втянутой в войны с Ираном, Бухарой и Хивой. Административно-политическое деление туркмен между Закаспием, Хивой и Бухарой было сохранено, но границы Закаспия с туркменскими районами ханств Хивы, Бухары и Северо-Восточного Ирана остались условными.

В разделе втором традиционные институты власти рассматриваются в связи с новым административным делением Закаспийской области. Присоединение туркмен в последней четверти XIX столетия к Российской империи стало новым этапом в эволюции этнополитической организации туркмен. Такое деление было шагом в направлении закрепления деления туркменского общества на племенные (территориально организованные) ханства. В 1890 г. Закаспийская область делилась на 5 этнических уездов: Ахалтекинский (позднее Асхабадский), Тедженский, Мервский, Красноводский и Мангышлакский (где основным населением были казахи).

Помимо уездов, для крупных племенных землячеств в области были организованы (субэтнические) приставства.

Во главе уездов стояли русские военные начальники. Они отбирали аксакалов для руководства населением аулов, кандидатуры отобранных представителей затем утверждал начальник области. По архивным данным, только лишь в 1910 г. по Закаспийской области были освобождены от работы «за несоответствие должности» 49 старшин аулов⁴⁶. На низовом уровне были сохранены традиционные институты власти туркмен: маслахаты, адат и т.п. Маслахат, как собрание племенной знати, продолжал оставаться высшим органом локально-общинного самоуправления у туркмен. В связи с прекращением военных набегов после присоединения к России у туркмен исчезает институт военной организации (аламан) и институт вождей, возглавлявших аламаны. Должности ханов долгое время сохранялись в Мерве, Иолотане, Пенде, Серахсе. Они занимали промежуточную административную ступень между уездным начальником и аульным старшиной и приравнялись к статусу волостных начальников.

Созданная русскими политическая система «военно-народного управления» туркменским обществом состояла из двух подсистем: европейской и традиционной. Взаимоотношения этих двух подсистем можно охарактеризовать как «культурно-политический симбиоз». Царское правительство в Закаспии, не вмешиваясь во внутренние дела туркмен, вместе с тем, в необъявленной «племенной политике» выбрало линию на сохранение в туркменском обществе этнополитических структур, базирующихся на регионально-локальном племенной гегемонизме. Для усиления контроля и ослабления сплоченности текинской племенной группировки, с одной стороны, и удовлетворения внутрплеменных клановых амбиций, - с другой, администрация разделила текинцев на уезды (Ашхабадский, Тедженский, Мервский) и внутрплеменные приставства в уездах (Дурунское в Ашхабадском уезде, Отамышское и Тохтамышское в Мервском уезде). Оно ограничило также возможную территориальную экспансию туркмен теке, организовав приставства для туркмен сарыков, салоров, выделив в Ахалской зоне Атекское приставство, создав в центре Мургабского оазиса царское имение (Мургабское государево имение), именовавшееся также Байрамалийским приставством.

В третьем разделе анализируется трансформация традиционной этнополитической организации после вхождения в состав Российской империи. Она была обусловлена, с одной стороны исторической подготовленностью туркменского общества к структурной этнотерриториальной дифференциации, а с другой - интересами геополитической безопасности. Такую безопасность для этнополитического развития туркменского общества в направлении мелких этнических ханств

могла обеспечить только Российская империя, установившая контроль за регионами и государствами, окружавшими туркменские земли. К началу XX в. почти ни одно из 19 крупных племен не было компактным целым. Наиболее крупными племенами были: теке (текинцы), иомуды, эрсари, сарыки, салыры (салоры), гёклены, човдуры (чоудоры) и алили (алиэли). Племенная структура стала рыхлой и аморфной. Номенклатура и терминология племенных подразделений утратили определенность; крупные подразделения племен уже не обладали политическим единством. Продолжились процессы социо-культурной ассимиляции мелких и отдельных родовых групп. Ускорившийся процесс оседания туркмен на землю стал причиной дробления родовых групп на соседские общины (*оба*). Согласно типичной для туркмен генеалогической схеме, несколько *оба* образовывали родоплеменное отделение (*тире, болум, оймак*), а несколько родоплеменных отделений образовывали *иль*.

С развитием оседлости в царское время кочевое понятие *иль* наполнялось новым содержанием. Это была уже не просто крупная родоплеменная группировка, а племенное землячество. Понятие *ильдаш* стало эквивалентом русского слова *земляк*, «родственник по территории». Землячества меньшего масштаба именовались *обадаитык* (односельчане). После присоединения к России и прекращения войн трансформация родовой общины в соседскую стала необратимой. Дробление племенных группировок на мелкие родовые автономные группы в оазисах, где проживала подавляющая часть туркмен, сопровождалось, как считают исследователи, ростом числа малых семей и сокращением численности больших многопоколенных семей⁴⁷.

Важным итогом присоединения туркмен к России стало формирование в крае славянской диаспоры и общий рост нетуркменского населения. Этому посвящен четвертый раздел: «Формирование славянской диаспоры и первых групп евротуркмен». Через русификацию было положено начало первичной модернизации обществ Средней Азии. После образования Закаспийской области началось формирование первых групп евротуркмен – специфического этносоциального и субкультурного слоя общества, помогавшего русским властям укреплять в Туркменистане централизованную власть. В начале 1870-х гг. в Туркестане работала особая комиссия по организации народного образования среди местных национальностей. Комиссия наметила создание для детей коренных национальностей низшего типа светской школы — школы элементарной грамоты. Евротуркмены воспитывались под воздействием высокой русской культуры, но происходили из окружения и потомства традиционной племенной элиты различных уровней. Они получали образование в Петербурге и других городах России. Среди евротуркмен были также

47 Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 23

разночашцы из обедневших семей, окончившие русско-туркменские школы, светские учебные заведения в Казани, Ташкенте, Оренбурге. Воспитательная задача туркменской школы заключалась в том, чтобы дать туркмену русскую грамоту и выработать из него надежного русского подданного.

В главе третьей «Трансформация этнополитической организации в советский период» анализируются процессы радикального переустройства этносоциальной структуры туркменского общества в контексте становления в Туркменистане советской государственности.

В первом разделе раскрывается контекст борьбы в Закаспии в 1917-1919 гг. Распад Российской империи, победа большевиков и последующее создание Советского Союза поставили этнополитическое развитие народов Средней Азии в новый геополитический и цивилизационный контекст. Доминирующее значение в процессах эволюции этнополитической организации у туркмен сохранил внешний фактор - воздействие российской (советской) государственности. Но содержание, механизм этого влияния существенно изменились, как изменился радикально и характер самой российской государственности, ее цивилизационное содержание.

Процессы трансформации этнополитической организации туркменского общества в начале XX в. шли в направлении углубления этнотерриториальной дифференциации. Поэтому, в отличие от прошлого, туркменские племена не смогли консолидироваться перед лицом внешних изменений. Революционные события в России были встречены туркменской племенной знатью в Ахале сравнительно спокойно, как внутреннее дело русских. Туркмены в большинстве отстаивали традиционный уклад жизни, родовую общину «туркменчилик» (неписанные законы предков).

Самый авторитетный лидер туркмен-теке Махтумкули-хан, хотя и поддерживал большевиков, в целом оставался на позициях сохранения своего племенного ханства. У Махтумкули-хана не было проекта реформирования Туркменистана. Если он и соглашался войти в состав руководства областью, то только с целью сохранения собственной автономии на землях влияния своего привилегированного ахалтекинского племени. В отличие от Махтумкули-хана, текинцы-евротуркмены, не обладавшие столь высоким авторитетом в традиционной структуре туркменского общества, предлагали план реформирования всей этнокультурной структуры Закаспия путем узурпации централизованной власти в своих руках.

Во втором разделе исследован феномен басмачества в контексте племенной организации туркмен. Реакция на революционные события традиционной элиты в регионах Туркменистана была иной и отличалась от позиции Махтумкули-хана. В регионах, на волне революционных событий первых двух десятилетий XX в., особенно в годы двоевластия, гражданской

войны, и недовольства политикой большевиков возникают новые лидеры племенных землячеств, стремившиеся создать независимые этнические ханства. Дайхане привыкли следовать за лидерами традиционной племенной элиты. В свою очередь, вожди племен - Эзис Чапык (1884-1919 гг.), Джунейд-хан (1857-1938 гг.) и др. зависели от настроений своих выборщиков и религиозного окружения, а потому следовали локально-племенным интересам. Они были разрозненны, их политическое влияние было невелико. Военно-революционная обстановка в Закаспии привела к возрождению функций вождей (сердаров). Новые лидеры конкурировали за влияние среди соплеменников с ханами и старшинами, назначенными царской администрацией. Для этих целей использовалось широкое недовольство народных масс царской властью, получившее название «басмачество», во главе которого нередко вставали фигуры из народа, а не из среды родовой аристократии.

Земляческо-племенные группировки боролись за власть в своем регионе, яростно уничтожая своих соотечественников, но не претендуя на территории соседних племен. Басмачество базировалось на идее регионального (земляческого) племенного гегемонизма. Оно не было в полном смысле антирусским протестным движением на этнической почве. Имеющиеся материалы указывают на союзнические отношения лидеров басмачества с русскими повстанцами.

В третьем разделе раскрыты этнополитические особенности и значение административно-территориального переустройства Туркменистана. В 1924 г. большевики объединили земли Закаспия с туркменскими районами Хивы и Бухары в общую для всех туркмен советскую республику. По оценкам Г.И. Карпова, в 1924-1926 гг. в составе туркмен ТССР доля теке составляла 39,2%, эрсари - 22%, йомуд - 13,2%, салор - 5,2%, сарык - 4,8%, остальные племена (човдур, гёоклен, карадашлы, баяты и др.) - 15,6%⁴⁸. Демографическое доминирование туркмен-теке было результатом преимущественного истребления басмачества в пограничных районах Туркменистана, на севере и востоке. Потери туркменских племен в северном Туркменистане составили около 80 тыс. чел. В восточном Туркменистане в 1925 г. в Афганистан эмигрировало 40 тыс. хозяйств туркмен⁴⁹, главным образом из племени эрсари.

Не выдвигая этнический критерий в качестве решающего в новом административном делении, руководство ТССР прямо указывало на его важность, особенно на уровне районов. Создание административного деления с учетом территориальной структуры туркменских племенных землячеств отвечало интересам местных элит и повышало их лояльность к советской власти. Опасность создания этнических ханств, для большевиков,

48 Карпов Г.И. Родословная туркмен // Туркменоведение, 1928, № 12 1929. № 1 С 57

49 РГАСПИ Ф 17 Оп 30 Д 11 // Отчет ЦК КП(б)Т к III-му съезду Ашхабад, 1927 Л 7

как сторонников уштаризма, усиливало необходимость ликвидации традиционной элиты. Новая власть еще не имела достаточного по количеству и надежности кадрового ресурса для управления этнотерриториальными образованиями. В этой ситуации используются административно-территориальные реформы (создание и упразднение областей и районов), которые приводили к широкомасштабному обновлению местных аппаратов власти на всех уровнях территориальной организации власти.

В главе четвертой «Евротуркмены: происхождение, место и роль в этнополитической организации в советский период» исследуются этнокультурные аспекты формирования новой этнополитической структуры туркменского общества в советском Туркменистане.

В первом разделе дается характеристика советских евротуркмен как нового этносоциального слоя, ставшего важной частью широкомасштабной перестройки этнического общества. Начало этому процессу положила программа национализации (коренизации) чиновников аппарата советской власти. Ее суть состояла в создании евротуркменской элиты, не только социально, но и культурно ориентированной на советскую Россию, способного представлять новую власть на различном административно-территориальном уровне, работать в советском и партийном аппарате. Помимо школьного образования и ликвидации неграмотности, во всех областных городах ТССР, а также крупных районах были открыты интернаты для детей. Факт воспитания молодого человека в советском интернате служил показателем благонадежного социального происхождения. Другой составной слоя евротуркмен стали так называемые выдвиненцы «от станка». Они были поставлены в привилегированные условия для социального роста. Кардинально общий уровень грамотности и образования туркмен стал меняться с конца 50-х - 80-х гг. XX века. В начале 60-х гг. 7-летние школы были реорганизованы в 8-летние. В начале 80-х гг. завершился переход к всеобщему среднему образованию молодежи. В 1980-х гг. средние специальные учебные заведения (техникумы, училища) выпускали ежегодно 8700 специалистов, вузы 5600. Всего в вузах обучалось в начале 1980-х гг. 35 800 студентов. В республике работала национальная Академия наук, объединявшая 15 НИИ и свыше 1000 научных сотрудников.

Во втором разделе рассматривается этнокультурная среда формирования евротуркменской элиты. На этнокультурное развитие туркмен советского времени большое влияние оказала славянская и шире русскоязычная диаспора в Туркменистане. Не последним условием получения молодой туркменской интеллигенцией кредита политического доверия был интернациональный брак. Практически все первые руководители ТССР состояли в браках с женщинами русской, еврейской, татарской национальностей.

Вместе с тем, основным направлением развития евротуркменской субкультуры в до- и особенно в послевоенный период был рост среди получивших высшее образование евротуркмен этнически гомогенных браков с туркменками, уступавшими им в уровне образования и склонными, по туркменской традиции, к рождению большого числа детей. Эта этносоциальная категория туркмен строила свои отношения с земляками и единоплемниками по принципу: «патрон - клиент». Потомство евротуркмен имело общий (урбанизированный) ареал расселения, амбивалентную ментальность и даже эндогамную микросреду. Составной частью этой микросреды были русские.

Стремительные социально-экономические преобразования, сопряженные с большим количеством людских потерь, в том числе квалифицированных работников, с одной стороны, и ростом населения - с другой, происходили в ТССР благодаря влиянию метрополии. В результате именно этих преобразований в Туркмении, как и в других национальных республиках Средней Азии, сформировались местные партийно-государственные элиты, стремившиеся к большей самостоятельности. Численное доминирование коренных жителей практически во всех звеньях управления, стало безусловным, но это было доминирование евротуркмен. По динамике роста русскоязычия государственные чиновники высокого ранга и политическая элита далеко опережали все остальные социальные группы туркменского общества. Накануне роспуска СССР 698 767 туркмен свободно владели русским языком⁵⁰.

Основным принципом участия нового «племени» в политической жизни ТССР была его опора на Москву, которая, в свою очередь, всегда «потечески» относилась к евротуркменам как к достижению советской национальной политики. Формирование новой советской туркменской элиты было сопряжено с объективным процессом первичной модернизации туркменского общества в XX в., которая происходила на базе новой, подготовленной к модернизационным процессам светской культуры России. Поэтому методологически ошибочно ограничиваться определением этого процесса только как русификации туркмен, хотя по форме он таковым являлся. Евротуркмены, как политические руководители, должны были быть не только преданы идеям партии, но и иметь тесную связь с народом и пользоваться у него доверием. Поэтому знание евротуркменом этнической культуры было неотъемлемым условием его карьерного роста. Сходные явления характерны для постколониальных обществ в Тропической Африке⁵¹. Вместе с тем в африканском обществе, как и в туркменском,

50 Итоги всеобщей переписи населения 1989 Т. 4 Ч. 1. 1990, Chinn J., Kaiser R. *Russians as the New Minority Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States* Oxford, 1996. P. 215

51 Бочаров В. В. *Власть Традиции. Управление* С. 103

интеллигенция острее сознавала свой собственный интерес, нежели являлась выразителем интересов определенных классов и социальных групп.

Евротуркмены могут быть ранжированы на четыре группы элит: 1. племенная - региональная, тяготеющая к бытовому трайбализму; 2. этнонациональная - активный (политизированный) трайбализм; 3. националистическая - унитарная, в которой превалирует осознание социокультурного единства евротуркменства; 4. национальная, тяготеющая к гражданскому обществу и либерально-демократическому мировоззрению. Подавляющая масса туркменской евроэлиты за годы советской власти достигла пограничного состояния и находилась в переходе от 2-й к 3-й группе. Политические предпочтения евротуркмен были расплывчаты и эклектичны, но в целом зависели от степени европеизации. Чем ниже была эта степень, тем ближе они были по ментальности к своему электорату, а точнее, к соответствующим субэтническим группам.

Третий раздел посвящен племенным землячествам в контексте урбанизационных процессов, развернувшихся в Туркменистане в советский период. Общий уровень европеизации в советское время и приближенность к властным структурам племенных землячеств были тесно связаны с уровнем их урбанизированности. До второй половины XX в. уровень урбанизации собственно туркмен оставался невысоким и повышался в процессе укрупнения и преобразования колхозов в поселки городского типа, расширения границ европейских поселений и поглощения ими близлежащих аулов, а также высокого естественного прироста туркмен. Во второй половине XX века уровень урбанизации собственно туркменского населения существенно повысился, но остался ниже доли сельского туркменского населения. Показатель урбанизированности туркмен вырос за счет населения поселков городского типа, зачастую представлявших собой районные центры организации сельскохозяйственного производства.

Показатели урбанизированности туркмен по племенным землячествам официальной статистикой не фиксировались. Общая картина распределения городского населения по областям свидетельствуют о диспропорциях в степени урбанизации землячеств. Наименее урбанизированным было северное землячество (бывшие туркменские районы Хивинского ханства), где располагалось единственно крупное городское поселение - г. Ташауз - административный этого региона. Наиболее урбанизированной в советское время считалась западная часть страны, главным образом потому, что там располагались небольшие индустриальные поселки. Вместе с тем возможности включения землячеств в жизнь столичного ареала, многократно превосходившего остальные городские поселения по численности и качеству жизни, были ограничены расстоянием проживания землячеств от столицы.

В четвертом разделе исследуется роль традиционной семьи в воспроизводстве клановых структур. Для радикального переустройства

этнического общества было необходимо провести перестройку традиционной туркменской семьи, выступавшей в качестве первоисточника воспроизводства этнополитических клановых отношений. Ликвидировать решениями «сверху» традиции жизни расширенной семьей-кланом было невозможно. Многодетная традиционная семья играла ключевую роль в сохранении традиционных ценностей, в воспроизводстве традиционной этнополитической организации.

Параллельно с процессом формирования новой туркменской элиты, еще более бурными темпами шел рост численности туркмен в целом. Высокая рождаемость расширяла их представительство во всех сферах общественной и государственной жизни. Культурное воспроизводство новой советской туркменской элиты не в состоянии было конкурировать с естественным (демографическим) воспроизводством традиционного общества. Одной из отличительных черт субкультуры евротуркмен, особенно во втором и третьем поколениях, стала корректировка прежних репродуктивных установок.

«Демографическое наступление» традиционной семьи происходило даже в условиях начавшегося сокращения рождаемости в целом по республике. В контексте политогенеза туркмен ключевую роль играла не высокая рождаемость, а культурные нормы и ценности расширенной семьи и семьи-клана. Традиция клановой вербовки (у туркмен - «аркадашества»), вырастающая из института расширенной семьи, сохраняется и после того, как семья становится малодетной.

Глава пятая «Развитие племенного гегемонизма в советском Туркменистане» посвящена изучению проблемы сохранения трайбализма в высшем эшелоне власти, формам и методам его нейтрализации в советском Туркменистане.

В первом разделе освещается возникновение условий для племенного гегемонизма ахалтеке. Суть современного племенного гегемонизма состоит в том, что все туркменские землячества заинтересованы в строительстве всетуркменского государства, но каждое видит себя на месте лидера туркмен и не соглашается разделить с другими эту историческую миссию. Борьба за власть сфокусирована на конкуренции землячеств в различных общественных, государственных, политических институтах.

Объединение туркмен Закаспия с туркменскими территориями Хивы и Бухары в границах образованной ТССР серьезно пошатнуло демографическое доминирование теке, составлявших ранее в бывшей Закаспийской области свыше 60% всех жителей (теке составляли большинство в трех из 5 уездов области: Ашхабадском, Марыском, Тедженском). В границах Туркменской ССР сложилась иная, чем во времена царского Закаспия этнодемографическая ситуация: 60% всех туркмен со-

стояло из нетекинцев. В годы ликвидации басмачества и проведения коллективизации наиболее пострадавшими оказались нетекинские области йомудов и эрсари). Ахалтеке сохранили реальную возможность политического доминирования вследствие сохранения за их регионом столицы нового государства - г. Ашхабада. Значительная группа представителей евротуркменской политической элиты происходила из столичного Ахалского региона.

Во второй половине 1920-х гг. руководство ТССР приняло предварительное решение о переносе столицы в Чарджоу. Одним из главных сторонников этого проекта был председатель ЦИК ТССР йомуд Н. Айтаков. Спор, державший в напряжении ахалскую элиту 5 лет, завершился победой сторонников сохранения столицы государства в ахалтекинской зоне. Это создавало привилегии живущему вокруг столицы землячеству, усиливало недовольство советской властью в регионах.

Второй раздел посвящен внешнему контролю как средству нейтрализации гегемонизма столичного землячества. Стержневую роль в создании фактически унитарной системы государственного управления в Туркменистане в советское время играла Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет. Важнейшим средством политического контроля, управления организационными, кадровыми, идеологическими процессами в самой партии стал институт российско-туркменского дуумвирата - неписанное правило назначения на пост одного из ведущих секретарей ЦК КПТ, параллельно с секретарем-туркменом, назначенца из Москвы. Определение роли этого института, степени его эффективности имеет значение индикатора эволюции форм контроля союзного ЦК в Туркменистане, тесно связанной с развитием кланово-земляческих отношений в высшем эшелоне власти республики. Опасность узурпации власти представителями столичного землячества было одним из главных мотивов в решении вопроса о лидерстве в ЦК КП(б)Т в пользу назначенца из Москвы. Противоборство ахалской группировки внешнему контролю завершилось в послевоенное время официальным назначением Ш. Батырова на пост первого секретаря ЦК партии. Вторым секретарем ЦК был назначен местный русский А. Сенников. Впервые русский секретарь не был командирован в ТССР, а «первым», теперь уже навсегда, стал туркмен. С 1947 г. проблема межземляческих противоречий времени в туркменской партийной номенклатуре стала проявляться более четко. Конкурирующие группировки увидели, что туркменам позволено править республикой.

В третьем разделе прослеживается ослабление внешнего контроля и развитие земляческих и клановых противоречий в высшем эшелоне власти (1947-1985 гг.). Центральным тезисом батыровской группировки была национальная консолидация туркмен при авангардной

роли деятелей из ахалтекинского ареала⁵². Сценарий национального строительства на базе традиции племенного гегемонизма не мог устроить Москву ни стратегически, ни тактически. В стратегическом плане вдохновлявшие Ш. Батырова цели противоречили тезису И.В. Сталина об обострении классовой борьбы в СССР по мере строительства социализма, означавшего применительно к национальным республикам неуклонное нарастание борьбы с национализмом. В тактическом отношении, развитие туркменского национализма на базе ахалтекинского гегемонизма было опасно для Москвы вдвойне, т. к. в Ахале находился Ашхабад.

Появившись впервые на посту «баш-секретаря» ЦК КПТ через 23 года (1947 г.) после образования ТССР представитель столичного туркменского племени находился у власти совсем недолго. После Ш. Батырова туркмены-ахалтеке почти 35 лет (1951-1985 гг.) не имели возможности возглавлять Компартию Туркменистана. Случившееся с Ш. Батыровым и субэтнические характеристики последующих лидеров компартии Туркменистана позволяют предполагать, что именно с момента отставки Ш. Батырова партийные лидеры в Москве пришли к заключению, что союзниками партии в борьбе со столичным племенем могут быть туркмены других племен. Их племенное сознание отличалось от ахалтекинское тем, что они не рассматривали столичную зону как исконно свою. Туркмены-эрсари, йомуды и другие неахалтеке могли чувствовать себя уверенно в Ашхабаде, только ощущая поддержку Москвы.

К концу 1989 г. М.С. Горбачевым были сменены руководители всех союзных республик СССР. Появление на посту «первого» представителя Ахала было исторически предопределено. Традиционная при смене первого секретаря ЦК КПТ кадровая перестройка совпадала с амбициями элиты ахалтеке. Роспуск Советского Союза снял последние ограничения (политические, идеологические, кадровые) для роста трайбализма в республике.

В главе шестой «Современное состояние и перспективы эволюции этнополитической организации у туркмен» рассматриваются проблема соотношения советской синполитетной и постсоветской этнической гегемонии, причины и возможные последствия традиционализации политической жизни в независимом Туркменистане.

Первый раздел дает представление о взаимосвязи роли славянской диаспоры и земляческо-племенного гегемонизма. Наличие славянской русскоязычной диаспоры и ее доля в этническом составе населения страны в советский период являлись важными факторами, с одной стороны, ускорения модернизации и внедрения новых форм политической культуры,

52 РГАСПИ Ф 4 Рокл 428 Оп 9 Д 854 Л 107-200 // 30 марта 1953 г. Коммунисты - секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову (58)

разрушения традиций этнического общества, а с другой - психологическим раздражителем, стимулирующим развитие у местного населения спонтанного национализма и рост на этой базе, зачастую обманчивой, ситуативной общеэтнической консолидации. Чем выше уровень русской диаспоры, тем больше ее этнических представителей было в составе высшего руководства каждой из республик Средней Азии.

Правящая элита в этническом обществе, если она заинтересована в общеэтнической консолидации, должна стремиться к сохранению иноземной диаспоры, служащей своеобразным ретранслятором культурной модернизации, условием сохранения стабильной преемственности процессов социально-экономической и технологической трансформации этнического общества в советский и постсоветский периоды. Одна из причин скрытого, а затем и открытого политического курса на вытеснение русских, а затем и всех европеизированных (под влиянием русской культуры) социальных слоев корениться в природе политогенеза этнического общества и традиционного трайбализма. Традиционный трайбализм допускал проявление идеологии и практики племенного гегемонизма исключительно на локальном уровне, в пределах определенного исторического ареала преимущественного расселения соответствующей этнической группы (племенного землячества). Практика племенного гегемонизма надлокального уровня, опирающегося на институты государственной власти и посредством этого ущемляющего экономические, социальные, культурные интересы остальных племен, не вписывается в представления о целостности и единстве этнического общества как социального организма, сегменты которого сохраняют полноценную социокультурную автономию.

В такой ситуации проводимая политика вытеснения диаспор необходима землячеству-гегемону как доказательство защиты и консолидации общеэтнических интересов, якобы заботы о сохранении самобытной культуры этноса и как элемент идеологии общеэтнической консолидации вокруг племени гегемона, чтобы противостоять псевдоопасности повторного иноземного закабаления. Достижимая на этой основе временная, конъюнктурная консолидация земляческо-племенных элит, не подкрепленная сближением этнических регионов на реальном социально-экономическом и политическом уровнях, дает племени-гегемону время для укрепления своих позиций и последующего вытеснения с ключевых постов в государстве региональных элит.

Во втором разделе исследуется культурная практика племенного гегемонизма. Причины устойчивости кланово-земляческих стереотипов в сознании туркмен новейшего времени связаны с особенностями эволюции традиционной семьи. Различным этапам этнополитического развития общества соответствуют свои типы семьи: семейной общины и больших неразделенных семей - в период господства политической структуры по типу генеалогической иерархии, малой патриархальной семьи - в период

формирования политических структур по племенным землячествам. Этот тип малой патриархальной семьи доминировал в демографической структуре туркменского общества до конца первой половины XX в. Затем, в 1960-х гг. наступило время широкого распространения номинально-традиционной многодетности (4, чаще 5, реже 6 детей в семье). Такие семьи, с одной стороны, были включены по родственным каналам в свои земляческие группировки, с другой - в структуры государства, нередко с помощью тех же земляческих связей. Формируемые из этого источника отряды городских туркмен и евротуркменской элиты становились авангардными группами в своих земляческих корпорациях.

С. Ниязов пришел к власти в Туркменистане (1985 г.) в период широкого распространения в туркменском обществе неформальных семейно-клановых и кланово-земляческих объединений элиты. После распуска СССР, лишившись былой опеки Москвы, евротуркмен С. Ниязов принимает правила политики в этническом обществе и борется с трайбализмом, используя трайбализм. Официальная идеология политического режима в постсоветском Туркменистане - башизм (авторитаризм) и комплекс поддерживающих его мер: культ личности главы государства, воинственная защита установленного порядка, не исключая вмешательство государства в личную жизнь граждан, национализм, подмена выборов референдумами, цензура, фальсификация базовых статистических показателей, однопартийность, подавление политических противников. Как тип политического гегемонизма башизм основан на захвате стратегических позиций и политических ресурсов земляческим кланом. В отличие от авторитаризма периода ранней модернизации (диктатуры Кромвеля в Англии, бонапартизма во Франции, кемализма в Турции, фашизма в Италии и Германии и др.), башизм ориентируется на ретрадиционализацию политической культуры и режим квазимонархии, в частности, обнаруживая сходство с мобутизмом в Заире - культом президента как традиционного вождя (туркм. «сердара»).

Специфика нового подхода предполагает использование двойных (демонстрируемых и скрытых) идеологических установок. В идеологической системе евротуркмена С. Ниязова в постсоветский период русские, громившие ахалтеке в 1881 г. и коммунисты - это одно и то же; они «породили разногласия между племенами»⁵³; только объединившись вокруг так называемого президентского племени (землячества), туркмены создадут нацию и новое государство. При этом узловым элементом является именно племенной (земляческий) гегемонизм. Его легитимизация в ходе строительства нации, одновременно, служит средством сохранения поста президента за С. Ниязовым.

53 Выступление С. Ниязова на совещании в Государственном объединении «Туркменалы» // Нейтральный Туркменистан, 18 октября 2000 С 1

Племенной гегемонизм ведет к региональному неравенству. В велятах созданы зоны свободного предпринимательства, при этом территория, отведенная под них в Ахалском веляте, в десятки раз превышает таковые в Марыйском, Лебапском и Дашогузском велятах. К апрелю 2001 г. из 651 предприятия с участием иностранного капитала 85% располагались в столице страны и в Ахалском веляте, в то время как в Лебапском веляте доля таких предприятий составляла 6%, Балканском 4%, Марыйском 4% и в Дашогузском 1%⁵⁴.

Тема третьего раздела - преемственность и новации в структуре этнополитической организации у туркмен в постсоветский период. Создание в Туркменистане советской государственности как надплеменной формы развития этнополитической организации под контролем Москвы впервые за многовековую этническую историю туркмен положило начало накоплению туркменами собственного опыта управлением этнополитическим развитием на государственной основе. Поэтому после роспуска СССР сохранение преемственности между институтами власти советского образца и новой системой политико-государственного управления было объективно и неизбежно.

Лексема «туркменбаши», по нашему мнению, историко-этимологически наиболее близка к бытовавшему в советское время «титулу» *баш секретарь* (главный, первый секретарь ЦК КПТ). В стране сохраняется однопартийная система. Функцию высшего политического органа в советские годы - съезда КПСС и КПТ) в постсоветском Туркменистане выполняют совещания нового высшего органа власти - Халк Маслахаты - ХМ (Народный совет). Важнейшим звеном Халк Маслахаты являются Советы старейшин, также сохранившиеся с советского времени. Социально-политической целью руководства независимого Туркменистана является, как и в советские времена, создание государства социального благополучия под лозунгом «Стабильность ради благополучия» и «XX век - золотой век туркмен». С 1993 г. Указами Президента граждане страны бесплатно пользуются коммунальными услугами (водой, электричеством, газом). Проявлением процесса преемственности социально-статусных делений советского социокультурного уклада являются отказ от сколько-нибудь широкого официального употребления титулов «бай» (богатый человек) и «хан» (глава этнической группы). Внедрение титула «хан» было бы равнозначно разрешению в стране многопартийности, т.к. каждое родоплеменное землячество могло стать основной политической партии. Кроме того, это могло быть воспринято как сигнал к началу реформы государства в направлении создания федерации регионов, что было бы равносильно трансформации башизма в полибашизм и самодискредитации идеологии ахалского гегемонизма. Термин «бай» с 2001 г. робко используется в

официальной туркменской печати, в речах и выступлениях Президента как позитивный символ становления частной собственности и оздоровления туркменского общества. В стране с 1993 г. разрешена приватизация предприятий, независимо от ранга занимаемого человеком в структуре государства. Однако должностное лицо фактически пользуется правом получать доход от побочной предпринимательской деятельности (чаще всего — от покровительства различным фирмам) до тех пор, пока исправно служит государству туркменбаши. Термин, служивший в советское время антонимом слову бай - дайхане, как и в советское время не претерпел изменений.

Вместе с тем, есть основания считать, что после роспуска СССР в Туркменистане произошли существенные изменения в характере этнополитического развития. Они заключаются в фактической легитимизации практики племенного гегемонизма. Особо следует отметить роль ХМ как инструмента земляческо-племенной гегемонии. Антидемократическая роль этого института власти состоит в том, что он не просто объединяет на своих совещаниях представителей всех ветвей власти, но и ставит их деятельность в зависимость от своих решений. Решения же во многом зависят от состава Народного совета, в котором большинство членов являются лицами, назначаемыми указами Президента страны на должности руководителей различных госучреждений. В декабре 1999 г. ХМ принял Конституционный указ о предоставлении С. Ниязову права исполнять обязанности президента Туркменистана без ограничения срока полномочий. 14 августа 2003 г. на очередном расширенном заседании ХМ было принято решение об избрании С. Ниязова председателем ХМ. В стране появилась новая, более высокая, чем пост Президента, должность. Совет превратился в *постоянно действующий высший орган власти страны*. Внешне, в стране как-будто произошел переход политического режима от президентской к парламентской республике. Но, поскольку и пост Президента, и пост руководителя высшего органа власти занимает одно и то же лицо, происходящее свидетельствует об укреплении авторитарной власти в Туркменистане. Заместителем председателя ХМ является земляк Президента, он же - председатель Меджлиса Туркменистана. Число членов ХМ увеличилось с 262 (1992 г.) до более чем 2,7 тыс. человек. Расширение численности участников совещаний ХМ (в 10 раз) не через совершенствование системы представительства в ХМ регионов («всетуркменское собрание»), а путем вовлечения в его работу активистов общественных организаций (абсолютное большинство которых расположено в столичной зоне Ахала), превращает ХМ из собрания официальных представителей всех ветвей власти в собрание политических сторонников Президента.

В пятом разделе анализируется земляческо-племенная ротация кадров. Усиление внутренних тенденций политогенеза туркменского общества в

постсоветский период в направлении усиления роли ахалских кланов является следствием внутривластной напряженности, обусловленной усилением роли политических кланов. После того, как в 1994 г. президентские полномочия С. Ниязова были продлены до 2002 г., центр тяжести внутривластной борьбы переместился в сферу взаимоотношений Президента с лидерами региональных элит. В середине 1990-х гг. губернаторы (хакимы) потеряли сохранившиеся с советских времен право находиться в ближайшем окружении первого лица и право (возникшее в постсоветское время) занимать должности вице-премьеров. Подтвердилось, что племенной гегемонизм и институт власти Президента — это звенья одной цепи. Как отмечают независимые эксперты, в правительстве С. Ниязова превалирует ахалская группировка". Все силовые министерства, прокуратура и суд контролируются ахалцами⁵⁶.

С 2000 г. министры назначаются Президентом после полугодового испытательного срока и отправляются почти ежегодно в отставку целыми группами, без права в дальнейшем занимать руководящие должности. Вместе с тем Президент сохраняет за выходцами из регионов некоторые декоративно-важные посты, отправляет из Туркменистана евротуркмен для работы в посольских учреждениях за границей. Характерной чертой внутривластной борьбы стала опора внутривластной оппозиции на неахалские кланы. Выступая на заседании Меджлиса 7 июня 2001 г., Президент признал отсутствие в республике твердой законодательной базы для борьбы с усилением тенденцией межплеменных предрассудков, кумовства и землячества не только в обществе, но и в государстве". Практика племенного гегемонизма как реальная основа идеологии и политической системы режима С. Ниязова стала одновременно и главным источником внутривластной напряженности. Эта практика не освобождает правящий режим от внутренней оппозиции и, более того, перманентно воспроизводит эту оппозицию⁵⁸.

Расхождение между провозглашенной идеологией национального (общенационального) единства и практикой государственного строительства обнажает противоречие: правящий режим, отражающий интерес столичного землячества, не выравнивает сложившиеся между регионами диспропорции, а — намеренно и ненамеренно — усиливает их, истолковывая любые попытки региональных элит получить свободу, как стремление дезорганизовать сложившийся баланс этнополитических сил и нарушить стабильность. За

55 Анна Гурбан Е. Джамсат // Эркин Туркменистан, № 1 ноябрь 1999 С 33 (на туркм яз.)

56 Реджеп Халы. О туркменской элите // Эркин Туркменистан, № 6, февраль 2001 С 42

57 В основе подлинной демократии — служащие интересам общества законы. Президент Туркменистана принял участие в заседании Меджлиса // Нейтральный Туркменистан, № 177 (23015), 9 июля 2001 С 1

58 Ответ Н.Т. Союмова автору статьи «Жагда мести или тоска по креслу?» Алдагулы Юсупову, напечатанный в газете «Туркменистан» от 3 ноября 1997 г // Туркмен или, № 8 (10), 1997 С 6, Кулиев А. Туркменистан — однопартийное государство // Эркин Туркменистан, № 4, май 2000 С 64

пределами Туркменистана, в условиях эмиграции, формируются и растут оппозиционные политические группы региональных туркменских землячеств, которые стремятся не только взять власть, но и реформировать государственное устройство на принципах децентрализации.

В начале нового столетия в Туркменистане получили развитие две неоднозначные для этнополитической организации туркменского общества тенденции: сохранение и фактическое навязывание стране практики племенного гегемонизма, с одной стороны, постепенное ослабление семейно-родственных отношений в результате объективного процесса демографической трансформации института традиционной семьи - с другой. В одно и то же время сокращается естественный источник воспроизводства традиционной системы родовых отношений - многодетная семья ускоренно трансформируется в малодетную, и стимулируется политическими средствами региональное противостояние, актуализирующее этническую (земляческо-племенную) сплоченность в регионах и кланово-региональные союзы для борьбы с доминированием.

В перспективе могут возникнуть два основных направления этнополитического развития страны: 1) реформирование государства в сторону расширения прав регионов; 2) трансформация башизма в «полибашизм», в союз крупных этнорегиональных султанатов, что может до некоторой степени разрядить земляческие противоречия, но одновременно поставить под угрозу сохранение целостности государства.

В Заключении представлены основные выводы и положения исследования, выносимые на защиту:

1. Для негосударственных территориально-племенных конфедераций характерно сочетание иерархических (вертикальных) родоплеменных форм управления с конфедеративными (горизонтальными) племенными. Их взаимодействие образует вектор политической эволюции этнической общности. При этом социально-политические отношения в племенной организации имеют тенденцию к трансформации родоплеменных в территориально-племенные. Территориальный тип организации, примерно до **XVII** века, представлял у туркмен конфедерации племен, состоявших из федераций больших родоплеменных группировок (фратрий) и на нижних этапах этнополитической организации - из кровнородственных объединений.

2. С **XVII** века, в условиях переселения туркмен из Восточного Прикаспия в оазисы Прикаракумья и перехода основной массы туркмен к оседло-земледельческому образу жизни, племенные конфедерации у туркмен трансформировались в территориальные постплеменные группировки (прототипы этнических ханств), расположенные в зонах влияния Ирана, Афганистана, Бухары и Хивы. После вхождения в состав Российской империи среднеазиатских ханств во второй половине **XIX** века и образования Закаспийской области (1881-1917 гг.) возникли условия для

социально-экономического, политического и культурного умиротворения края. Исчезают главные (военно-политические) факторы этнической разобщенности туркмен. Этнокультурному сближению туркменских племенных землячеств продолжает препятствовать их деление на собственно российских, бухарских и хивинских, иранских туркмен. И вместе с тем, отсутствие этого сближения снимает вопрос о росте регионально-племенной напряженности на почве политической конкуренции внутри туркменского этноса. В рамках административно-территориального деления Закаспийской области получают признание прототипы туркменских этнических ханств.

3. Унитарно-централизованная форма государственности начала складываться в советский период активного синполитейного развития (1924-1991 гг.). В результате возникло противоречие между традиционной этнополитической структурой туркменского общества и новой моделью этнокультурного развития. Эволюционную тенденцию к устройству государства в форме конфедерации или федерации этнических и этно-территориальных ханств заместило формирование централизованного государства, в границах которого были объединены туркмены Закаспия, Бухары и Хивы. Была ликвидирована старая этно-территориальная элита, а вместо нее сформирован новый этносоциальный слой евротуркмен - сторонников строительства современного государства.

4. Специфика синполитейного этапа политогенеза туркменского общества в советский период в целом состояла в том, что модель советской государственности поддерживалась евротуркменами и обеспечивалась политикой нейтрализации племенного гегемонизма Москвы. Нейтрализации племенных отношений способствовали: борьба с кланами внутри компартии, учет племенного фактора в советском строительстве на областном и районном уровнях; пропорциональное представительство племенных и национальных групп во всех органах власти; ротация кадров путем административно-территориальных реформ, расширяющих права регионов и возможности роста региональных элит в центральном аппарате; разделение власти путем назначения на высшие должности представителей *разных* племенных землячеств, введение института русско-туркменского дуумвирата секретарей партии на республиканском и областном уровнях, особый порядок замещения должностей республиканского уровня в виде запрета на передачу власти представителю одного и того же племени; создание образовательной базы для постоянного воспроизводства новой, представляющего все племенные землячества слоя туркменского этноса - евротуркмен - сторонников унитарного государства.

5. Уровень синполитейной гегемонии, определяемой в диссертации как разница между процентными долями русской диаспоры и ее условным представительством на высших партийно-государственных постах, в 1960-х гг. в Туркменистане был наиболее высокой среди соседних советских республик Центральной Азии. Исходя из этого, в работе выделено три

модели этнополитического развития в регионе: казахстанско-киргизская, узбекско-таджикская и промежуточная - туркменская, отличающаяся от двух первых, с одной стороны, низким уровнем европеизации, а с другой - отсутствием исторического опыта этнической государственности. Анализ показал, что, при прочих равных условиях, в Туркменистане высокий уровень синполитейной гегемонии в советский период прямо коррелирует с жестким авторитаризм в постсоветское время.

6. В постсоветский период перед этническим обществом вновь возникают возможности развития по внутренним законам политогенеза в рамках унитарного государства, прежде всего, на основе традиции племенного гегемонизма. Вторая тенденция политогенеза этнического общества - конфедеративные традиции организации отношений между племенными землячествами не получила развития по причине сохранения в высшем эшелоне власти группировки евротуркмен советского времени. Эта прослойка видела себя лидерами не традиционного общества, а государства, стоящего над этим обществом. Поэтому основная борьба за власть в Туркменистане развернулась внутри центрального аппарата власти. В борьбе с евротуркменами используются мощные рычаги президентской власти и нормативно-идеологические механизмы ахалской гегемонии под флагом строительства новой нации. Вытеснение евротуркмен является важным симптомом того, что политогенез в форме племенной гегемонии на современном этапе дополняется в Туркменистане политикой демодернизации и ретрадиционализации общественно-политической и государственной жизни.

7. Существенное сужение возможностей для региональных элит бороться за власть в центральных органах власти трансформируется в борьбу власти с регионами и регионов с властью, за самостоятельность и даже территориальное отделение от государства Туркменбаши. Представляется, что без нового усиления роли внешних факторов политогенеза - дальнейшей европеизации туркменского общества, сама по себе эволюция государственного устройства в сторону парламентаризма способна привести к воспроизводству башизма на региональном уровне и еще более усилить центробежные тенденции в развитии страны.

Список публикаций по теме диссертации:

1. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. М., Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, 2003. - 362 с. (14 п. л.).
2. Народонаселение Туркменистана: история и современность. (Вопросы и результаты изучения)». Ашхабад, Наука, 1986. - 125 с. (5 п. л.).
3. Туркменистан в XX веке. Bergen, Bodoni Hus, 1998. - 286 с. (10 п. л.).
4. Туркменистан: 4 года без СССР. М., Панорама, 1996. - 146 с. (6 п. л.).
5. Российско-туркменский исторический словарь. В двух томах. Bergen, Boboni House, 2001, 456 с. (18 п. л.).

6. Turkmenistan: The political Elite in an ethnic Society // Oil, Transition and Security in Central Asia Edited by Sally N. Cummings. RoutledgeCurzon Taylor and Francis Group London and New York, 2003. P. 108-118. (1 п. л.).

6. Доминирование без гегемонии // Со-общение-Эксперт, № 5, 2003. С. 18-25. (0,5 п. л.).

7. Этнические истоки, эволюция и перспективы государственности в Туркменистане // Восток, № 5, 2003. С. 110-124. (0,8 п. л.).

8. Этнокультурные и демографические индикаторы политического развития в Туркменистане // Азия и Африка сегодня, № 11, 2003. (0,7 п. л.).

9. Институт президента в клановом постколониальном обществе // В кн.: Евразия. Люди и мифы. (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии» (состав. С.А. Панарин. М, Наталис, 2003. С. 337-364). (0,9 п. л.).

11. Некоторые замечания к вопросу о социальном самочувствии русских в Туркменистане // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Ч. 2, М., Институт востоковедения РАН, 1993. (0,2 п. л.).

12. Туркмены мира. Ашхабад, «Харп», 1991; 54 с. (в соавт. с Дурдыевым). (2,0 п. л.).

13. Demographic development in the Central Asian region of the USSR // Acta Universitatis Carolinae, Geographica, XXV, 2, 1990. P. 37-49; (0,7 п. л.).

14. В защиту традиций // СССР: Демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990; (0,6 п. л.).

15. Семья, репродуктивное поведение, демографическая политика // Мы и наши планы. М.: Наука, 1987. (в соавт. с В.М. Медковым). (0,7 п. л.).

16. Об этнодемографическом развитии туркмен после вхождения в состав России (конец XIX- начало XX в.) // Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук, № 3, 1982. С. 24-32. (0,8 п. л.).

000 "Сфера"
зак.№23от 01.07.2004г.
тир. 100экз.
306-96-99

13301